

© 2019 М.А. КОРЗО

О НРАВСТВЕННОМ РЕФОРМИРОВАНИИ РАННЕНОВОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТИТУТЫ

Корзо Маргарита Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этики.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва,

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: korzor@mail.ru

Аннотация. Становление общества и индивида ранненовременно-го типа сопровождалось процессами нравственного реформирования, которые выражались в изменении нравственного сознания и поведения людей. В них были вовлечены государство, церковь и локальные сообщества, представители которых обращались к разным идейным основаниям для обоснования своих дисциплинирующих усилий: идеям неостоицизма; пессимистической антропологии или к представлению о непреодолимой греховности человека; «богословию возмездия» или образу Бога, карающего все общество за грехи отдельных людей. Общим для всех вовлеченных в процессы нравственного реформирования институтов было ощущение разрушения привычного уклада жизни как следствия религиозных войн, масштабных эпидемий, демографического роста и пауперизации населения. Институты светской власти использовали систему мер по поддержанию общественного порядка, создавали исправительные дома. Важным дисциплинирующим институтом у католиков оставалась индивидуальная исповедь, на место которой

Статья подготовлена в рамках коллективного гранта РФФИ «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции». Грант № 18-011-00297.

в протестантизме пришла процедура публичного исповедания. Для контроля за соблюдением норм сексуальной морали кальвинисты создавали консистории, а лютеране — брачные суды. Локальные сообщества также участвовали в процессах дисциплинирования (общества по исправлению нравов в пуританской Англии, практика братского пристыжения (Мф 18: 15–18) в сельских общинах, др.). На это была направлена деятельность учебных заведений и школьного театра. Нравственное реформирование выходит за хронологические рамки раннего Нового времени; его эффект в различных областях частной и публичной жизни был очень разным. Но уже к XVIII веку заметен переход от доминирования внешнего принуждения к само-дисциплинированию и само-контролю и процесс «освоения» навязываемых норм и стандартов поведения, которые в массовом сознании начинают восприниматься как нравственно-обязывающие.

Ключевые слова: раннее Новое время, нравственное реформирование, социальный контроль, дисциплинирование.

Ссылка для цитирования: Корзо М.А. О нравственном реформировании ранненовременно-временного общества: идейные основания и институты // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 72–93.

DOI: 10.31857/S023620070005911-9

М.А. Корзо

О нравственном реформировании ранненовременно-временного общества

Западноевропейское раннее Новое время характеризуется рядом масштабных процессов, в результате которых формируются общество и индивид нового типа. Одним из таких процессов Бернд Хамм считает «нормативное центрирование» или все бо́льшую ориентацию политики, общества, права, религии, искусства и т.д. на единый легитимирующий и задающий норму центр или эталон. В политике речь идет о формировании ранненовременно-временного государства как процессе сокращения числа центров власти и концентрации властных полномочий в одних руках. В сфере права происходит упорядочение и упрощение правовых кодексов, эталоном для которых выступают нормы римского права. Для гуманизма высшей и единственной речевой нормой и эталоном образованности становится знание и подражание античным текстам. В живописи, городской и садовой архитектуре функцию задающего норму эталона начинает выполнять прямая линейная перспектива. В религиозной сфере наиболее очевидными проявлениями нормативного центрирования становятся «sola»-принципы протестантского богословия: «только Писание» (Sola Scriptura), «только верой» (Sola fide), «только благодатью» (Sola gratia), «только Христос» (Solus Christus), «только Богу слава» (Soli Deo gloria). Процессы нормативного центрирования, как считает Хамм, приводили к постепенному преодолению ценностного плюрализма, а также упрощению и стандартизации всех сфер и проявлений человеческой жизнедеятельности. «Центри-

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

рующие» тенденции дают о себе знать уже на рубеже XIV–XV веков как ответ на все большую дифференциацию и усложнение различных сторон жизни [23].

Макс Вебер выделяет ключевой для становления ранненовременного общества процесс рационализации как социального действия, так и внутреннего регулирования человека [1]. Норберт Элиас говорит о процессе «цивилизации» или о «структурных изменениях, протекающих в направлении все большего упрочения и дифференциации контроля людей над своими аффектами, а тем самым и над своими переживаниями» [7, с. 7]. К теоретическим построениям Вебера и Элиаса генетически восходит теория социального дисциплинирования Герхарда Ойстраха, которая понимается им как процесс изменения «внутреннего человека» в рамках формирующегося абсолютизма под влиянием разнообразных институтов внешнего контроля [36]. Впоследствии данная теоретическая модель, учитывающая дисциплинирующие усилия только институтов светской власти, была расширена за счет концепции церковного контроля, которая акцентирует самостоятельную роль церковных институтов в процессах преобразования человека.

Перечисленные выше процессы были не всегда синхронны, но общей их чертой можно считать масштабную регуляцию, охватывающую разнообразные сферы человеческой жизни [19, с. 385; 48, с. 291]. Регулирующие тенденции были нацелены в том числе и на изменение нравственного сознания и поведения людей, что мы будем в дальнейшем именовать нравственным реформированием (или дисциплинированием по аналогии с концепцией «социального дисциплинирования» Ойстраха). В настоящем исследовании мы рассмотрим основные причины, которые побуждали взяться за реформирование; институты, от которых исходили дисциплинирующие инициативы в XVI–XVII веках, и на какие идейные основания данные институты опирались; каков был инструментарий нравственного реформирования.

Всеобщая озабоченность укреплением нравственных устоев общества вряд ли была вызвана действительным ухудшением нравов в раннее Новое время, на что сетовали многие современники [33, с. 47–48]. Более значимыми могли быть разделяемое всеми социальными стратами ощущение разрушения привычного уклада жизни и желание его восстановить. Не случайно идея порядка (*ordo*) становится одной из значимых также и в философско-политических построениях того времени, а дискурс повседневности насыщается понятиями «порядок» и «дисциплина» [20, с. 344; 28; 48, с. 270]. Аналогичные тенденции заметны и в религиозной мысли: для Жана Кальвина *ordo* выступает условием существования общества, в котором все сферы должны быть обустроены в соответствии с правильным порядком (со ссылкой на 1 Кор 14:40²) [11, с. 165].

² Русское «чинно» соответствует латинскому «ordine».

Ощущение разрушения привычного уклада жизни формировалось в условиях напряженного конфессионального противостояния, сопровождавшегося религиозными войнами и другими формами насилия; масштабных эпидемий, демографического роста, приведшего к увеличению числа обездоленного населения и ставшего источником социального напряжения. Одним из путей возвращения утраченного порядка мыслилось нравственное реформирование общества, которое понималось религиозным сознанием как выполнение данной Богом заповеди [46, с. 113].

Известно, что схожие демографические и социальные процессы в Западной Европе на рубеже XIV–XV веков также вызвали в качестве ответа волну регулирующих тенденций, когда, например, в больших имперских городах появляются первые «полицейские ординации» (Polizeiordnungen), регламентирующие отдельные стороны частной жизни, сексуального поведения, отношения к нищим и т.п. [12]. Но при том, что история западноевропейского общества уже знала периоды усиления социального контроля и нравственного дисциплинирования, регуляция раннего Нового времени имела ряд особенностей.

Так, дисциплинирующие инициативы исходили в XVI–XVII веках одновременно от трех инстанций: государства, церкви и локальных сообществ, хотя степень их вовлеченности в процессы дисциплинирования могла существенно отличаться. В XVIII веке роль церкви постепенно уменьшается [51, с. 14], одновременно появляются различные общественные институты, которые берут на себя функции нравственного контроля. Значительно расширяется область дисциплинирования, а объектом регуляции становится даже язык: определенные языковые стандарты прививаются с помощью религиозных текстов, художественной литературы, «зерцал» для государственных деятелей, чиновников, представителей различных сословий; сам речевой акт становится объектом нравственной оценки [10, с. 50, 70, 85]. Меняется представление о том, что подпадает под публичную регуляцию, и это приводит к уменьшению числа сфер «неконтролируемой приватности» [54, с. 126]. Табуирование считавшихся ранее нейтральными с нравственной точки зрения поступков, «насыщение» повседневности нравственным смыслом Элиас объясняет также и обострением восприимчивости формирующегося новоевропейского общества к любым поступкам, которые отклоняются от декларируемой нормы [7, с. 141].

Реформация и католическая реформа способствовали дальнейшей христианизации общества, что выражалось в том числе и в «навязывании» обществу нравственных норм в их буквальном библейском звучании, что приводило к большему ригоризму в оценке отдельных поступков: так, отмена целибата в протестантских регионах сопровождалась изменением отношения

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

Нравственное регулирование охватывает все более широкие социальные слои и в первую очередь — детей, что стало возможным благодаря численному росту традиционных образовательных институтов (приходские школы, например, обязательство посещать которые постепенно распространяется и на девочек) и появлению новых (коллегии иезуитов и гимназии в протестантских регионах). Книгопечатание предоставило новые способы пропаганды нравственных норм и стандартов поведения, которые распространялись с помощью дешевых и доступных многим брошюр малого формата и особенно популярных в немецких землях листовок (Flugschriften). Усиливающаяся бюрократизация повседневности становилась значимым нравственно-дисциплинирующим фактором: повсеместное введение метрических книг для регистрации браков и крещений было действенной формой контроля за семейной жизнью и сексуальными отношениями, позволяя в том числе выявить количество детей, зачатых во время поста или в иные дни литургического года, когда церковью предписывалось половое воздержание [55, с. 49].

Но при том, что процессы нравственного дисциплинирования в раннее Новое время имеют целый ряд особенностей, вряд ли можно говорить о том, что произошло радикальное расширение нравственного кодекса. Речь идет скорее об изменении акцентов, когда определенные добродетели и проистекающие из них стандарты поведения выходят на первый план, как это случилось в эпоху Абсолютизма с воспринятыми из римской культуры и неостоицизма³ добродетелями дисциплины, уважения к авторитету и подчинения власти. Христианский нравственный кодекс также не претерпевает изменений, но становится все более верным духу и букве Библии. Важной чертой эпохи является постепенная унификация нравственных стандартов: призыв к совершенству (святости), обращенный ко христианам без исключения. Подобная унификация имела разные истоки в различных конфессиональных сообществах: в протестантизме это было связано с ликвидацией института монашества; в католицизме — с перенесением на простых христиан части «сверхдолжных обязанностей», которые возлагались до этого только на аскетов, подвижников и мучеников [4, с. 126–127; 9, с. 191].

³ Неостоицизм или «стоический ренессанс» — философско-интеллектуальное течение, зародившееся во второй половине XVI века и ставшее попыткой соединить учение классической Стои с элементами христианского мировоззрения.

Различные институты, вовлеченные в процессы нравственного реформирования, опирались на разные идейные основания, обосновывая свои дисциплинирующие усилия или усилия по восстановлению утраченного *ordo*.

Формирующееся абсолютистское государство апеллировало к идеям неостоицизма, который возродил идеалы воли и самоограничения, сделав понятия «авторитет» (*auctoritas*), «умеренность» (*temperantia*), «выдержка» (*constantia*) и «дисциплина» (*disciplina*) центральными понятиями эпохи [35, с. 265–272]. Уже с середины XVI века, по замечанию А.А. Столярова, «интеллектуальная атмосфера была насыщена расхожими стоическими идеями» [5, с. 340], которые получили систематическое оформление в сочинениях нидерландского гуманиста Юста Липсия (1547–1606). Поскольку стоические добродетели должны были стать основой и индивидуальной, и общественной морали, то предлагались две стратегии по достижению стоического идеала: дисциплинирование индивидом самого себя и реорганизация на новых, «упорядоченных» основаниях социального и государственного пространства, поскольку только в этом преображенном пространстве индивиду гарантировались стабильность и защищенность [8, с. 15, 73–74].

Для церкви одним из немаловажных стимулов взяться за нравственное реформирование было разделяемое и католическими, и протестантскими богословами представление о непреодолимой греховности человека. В XVI–XVII веках пессимистическая антропология переживает ренессанс в связи с очередным всплеском интереса к наследию Августина. Общим для всех западных христианских конфессий было убеждение, что коль скоро природа человека не поддается улучшению, то надо стремиться хотя бы ограничить проявления ее греховности, «христианизировав» не только индивидуальное, но и социальное пространство. Такие деятели Реформации первого поколения, как Иоганн Эколамплад (1482–1531), Ульрих Цвингли (1484–1531) и Мартин Бучер (1491–1551) рассматривали нравственное реформирование в качестве инструмента для реализации перфекционистского проекта, своеобразного евангелического крестового похода по утверждению «*civitas Dei*» на земле [20, с. 7; 30, с. 62].

За идеей нравственного реформирования стояло и определенное представление об отношении Бога к людям. Поскольку человек был сотворен для служения Богу в чистоте и святости, преступая нравственный закон грешник неотвратимо становился объектом божьего гнева. Данные представления имели общехристианские корни, но акцентировались с разной степенью интенсивности в католической и протестантских традициях. Для легитимации определенного нравственного кодекса в отдельных протестантских сообществах обращались не к заповеди любви к Богу, но к «бого-

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

Как считает Каспар фон Грейерц, «богословие возмездия» в большей степени оказало влияние на формирование специфических кальвинистских этики и этоса (по крайней мере, у британских пуритан), нежели учение о предопределении в том виде, как оно было проинтерпретировано Вебером [22, с. 19, 22–23, 28]. Лишь к концу XVIII века образ мстящего Бога как важный стимул нравственного (само)реформирования постепенно отходит на второй план, все больше уступая место идее индивидуальной ответственности за общее благо [47, с. 59].

За всеми аргументами в пользу нравственного реформирования общества скрывался также и фактор «необходимости» [10, с. 49]. Так, неостоицизм как «практическая философия», позволяющая человеку «пережить неурядицы “смутных” времен» [5, с. 344], стал одним из ответов на кровавые религиозные противостояния в Нидерландах [8, с. 2–3]. Такие личные добродетели, как умеренность, выдержка и дисциплина, становятся условием выживания в условиях внешнего хаоса и условием преобразования этого хаоса в порядок. Во многих теоретических сочинениях той эпохи, обосновывающих нравственно-дисциплинирующие усилия, зачастую фигурирует понятие «необходимость» (*necessitas*) [48, с. 288], стоическая интерпретация которого утверждается в западноевропейском интеллектуальном пространстве в значительной степени благодаря диалогу Липсия «De constantia» (1583). Аргумент «необходимости» играл не последнюю роль и в программе

нравственного дисциплинирования, инициированной церковными институтами. Так, ужесточение контроля за соблюдением норм сексуального поведения в Англии XVII века было связано не только с набиравшим силу пуританизмом, но и с резким демографическим скачком и с ростом числа внебрачных детей, становившихся обузой для общин и пополнявших впоследствии отряды бродяг и попрошайек. Предлагаемая пуританизмом программа нравственного реформирования имела под собой не только религиозную подоплеку, но и была ответом на определенные социальные обстоятельства и вызовы эпохи [19, с. 404–405, 417].

Инструментарий нравственного реформирования общества был необычайно обширен и варьировал от (само)принуждения до воспитательного воздействия.

Органы светской власти прибегали к системе регуляции и управления, именуемой «полиция». Данное понятие, этимологически связанное с понятиями «полис» и «политика», в европейских языках до середины XVIII века означает как искусство правильного управления, так и само состояние благополучия и спокойствия, достигаемые в результате правильного управления. Целью данной системы регуляции было обеспечение безопасности, поддержание общественного и нравственного порядка посредством определенных мер принуждения и попечения [2, с. 15–16]. Лишь в XVIII веке происходит смещение акцентов, и «полицию» начинают все чаще понимать как производное от лат. «полировать» (*polire*) и усматривать содержательную параллель с французским «учтивость» (*politesse*) [32, с. 239].

Правильный нравственный порядок поддерживался с помощью целого ряда «полицейских» актов или регулирующих предписаний: как надлежит вести себя в публичных местах и дома, как справлять крестины, свадьбы, похороны, одеваться и питаться; вводящих запреты против излишеств, танцев, азартных игр и т.п. Данные акты подлежали регулярному публичному зачитыванию для ознакомления подданных с их содержанием [37, с. 48], вывешивались на дверях ратуши и церкви. Для воздействия на нарушителей в распоряжении светской власти был целый арсенал репрессивных средств, включающий систему штрафов, телесных наказаний, лишение свободы. Пристыжающие наказания, которые были призваны не только заклеить провинившегося, но и превентивно воздействовать на потенциальных нарушителей, на протяжении XVI–XVII веков постепенно вытесняются тюремным наказанием, которое было «невидимым» для внешнего наблюдателя, а потому и не столь устрашающим [34, с. 353].

Поддержанию нравственного порядка служили и исправительные дома, которые появляются уже в 1550-е годы для решения угрожавшей социальному порядку проблемы нищеты и бродяжничества [16]. Эти дома зачастую эволюционируют из

М.А. Корзо

О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

госпиталей или различных медико-благотворительных учреждений, и акцент смещается с излечения недугов телесных на душевные и нравственные, чему способствовали монотонный, напоминающий монастырский образ жизни и распорядок дня; отдельное содержание мужчин, женщин и детей; обязательные религиозные практики. В католических регионах к таким практикам относилась, в частности, исповедь, выступающая как важное терапевтическое средство: на основании фрагмента Ин 5:14 (телесный недуг как последствие греха) и 22-го канона IV Латеранского собора 1215 года врачам предписывалось воздерживаться от посещения тех больных, которые сознательно уклонялись от исповеди [38, с. 27–28].

Несмотря на то что в католических и протестантских регионах в институциональной истории исправительных домов было много общего, решение проблем нищеты и ее общественных последствий выстраивалось на основе разных подходов.

Католики лишь отчасти учитывали потребности нуждающихся — беднякам отводилась особая нравственная миссия в обществе, они были объектом для совершения дел милосердия. Значительный акцент делался на дающем, стяжающем себе посмертное воздаяние с помощью добрых дел, да и сама благотворительность понималась не только в категориях материальной помощи, но и спасения души обеих сторон. Работа в госпиталях выступала также как особая форма аскетизма и умерщвления чувств, а следовательно, и как способ самосовершенствования. Важным отличием католического подхода было и то, что часть благотворительной активности «инвестировалась» не в живущих, но в уже умерших и находящихся, по учению церкви, в чистилище.

Католицизм раннего Нового времени также различал «достойную» и «недостойную» бедность, и оказание помощи ставилось в зависимость от нравственного облика и набожности принимающего, поскольку ее не заслуживают лентяи и закоренелые грешники. Но при этом не было единого мнения, является ли наиболее эффективной прямая милостыня или целесообразнее излечить нуждающегося от всех телесных и душевных недугов, чтобы он мог сам добывать себе пропитание; второй подход предусматривал изоляцию различной степени строгости для бродяг, попрошайек, мелких преступников и просто бездельников [17, с. 75–76, 90–94; 38].

Протестантское богословие отказалось от доктрины «добрых дел», с помощью которых христианин мог бы заслужить посмертное воздаяние, а также от учения о чистилище, избежать которого по учению католических богословов можно было в том числе и благодаря благотворительности живущих. Милосердное отношение к нуждающимся становится обязанностью каждого члена христианской общины: бедные рассматриваются как бра-

тя, которые вправе рассчитывать на помощь; но взамен за эту помощь община предъявляет им требование стать достойными ее членами. Несоблюдение предписываемых правил общежития с неизбежностью влекло за собой применение различных форм дисциплинирующего воздействия на нарушителей, вплоть до их изоляции [21, с. 49, 58].

Исправительные дома создавались как светскими, так и церковными властями. Но существовали и специфически церковные институты нравственно-дисциплинирующего воздействия.

Принято считать, что укреплением нравственных устоев общества первыми всерьез занялись приверженцы протестантских конфессий, хотя пуританизм не был для этого необходимым условием: и накануне Реформации, и в регионах, которые впоследствии остались в сфере влияния католической церкви, можно заметить аналогичные тенденции [29, с. 5; 52, с. 47]. Общей чертой всех дисциплинирующих воздействий было применение различных форм социального исключения, например запрет приступать к причастию, а в отдельных протестантских общинах — и само-запрет или само-исключение от причастия. Неучастие кого-либо из членов общины в этом коллективном ритуале становилось не только предметом всеобщего внимания, но было чревато и утратой определенных социальных функций (запрет быть крестным, свидетелем при заключении брака и во время суда и др.), налагало ограничения на похороны на общинном кладбище. Включение в религиозную общину происходило на устанавливаемых данным сообществом условиях [41, с. 136].

При том, что нормы и механизмы существенным образом не отличались, нравственное реформирование имело свою институциональную специфику в разных конфессиональных сообществах. Важным дисциплинирующим институтом у католиков оставалось таинство исповеди. Ее периодичность и предъявляемые к верующему требования были установлены еще в 1215 году на IV Латеранском соборе. В XVI веке происходит отказ от практики публичного покаяния и переход к тайной исповеди, значительно расширяется подлежащая исповеди область поступков: исповедующемуся надлежало рассказать о совершенном не только словом и делом, но и мыслью (то есть нравственной оценке подлежали и намерения), о «неисполнении своего долга» или о небрежении к семейным, профессиональным, социальным, христианским и иным обязанностям. На исповеди учитывались и все сопутствующие проступку обстоятельства, а именно место, время и частота его совершения, также и обстоятельства, отягощающие или смягчающие вину. Столь детальная исповедь требовала предварительной подготовки или «испытания совести», способствовавшего развитию нравственной рефлексии. Этим же целям служила и приуроченная к большим церковным событиям

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

практика периодически повторяемой так называемой «общей» или охватывающей всю жизнь исповеди, позволяющая христианину еще раз проанализировать свои поступки и степень их повторяемости, осознать позитивные или негативные изменения своей нравственной жизни.

В протестантских церквях индивидуальная исповедь утратила статус таинства, хотя во многих лютеранских общинах она все еще сохраняется на протяжении всего XVI века. На смену тайной исповеди постепенно приходит процедура публичного исповедания грехов и расспросов о вере, по результатам которых верующего могли не допустить к причастию [41, с. 129]. При том, что между католическими и протестантскими практиками было функционально много общего, можно отметить одно важное отличие. Так, католики считали, что регулярная исповедь, в том числе и в форме «общей» исповеди, способствует формированию более глубокого и искреннего чувства раскаяния и нравственному преображению грешника, вплоть до достижения им определенной степени совершенства (святости). Для протестантов греховность человека была принципиально неизлечима, а потому непременно требовала постоянного контроля и наказания. У католиков исповедь понималась как внутренняя дисциплина, нацеленная на освящение индивида; у протестантов публичная исповедь была способом примирения грешника с общиной, достижения нравственной чистоты приступающего к причастию коллективного целого (со ссылкой на 1 Кор 5: 1–13), способом отвращения от общины божьего гнева [42, с. 38–39].

В протестантских регионах создаются и не свойственные католикам институты нравственного реформирования. У кальвинистов данную функцию выполняли консистории⁴, состоящие преимущественно из светских лиц, членов общины с хорошей репутацией. В их компетенцию входили преступления на сексуальной почве, семейные ссоры, случаи богохульства, неуважительного отношения к властям, небрежительное отношение к религиозным практикам [33, с. 479]. В общинах лютеран функции контроля выполнялись церковными и так называемыми брачными судами, а также институтом церковных визитаций⁵, который зачастую использовался членами общины для оказания дисциплинирующего давления на своих пастырей [39].

⁴ Церковно-административный орган, состоящий из служителей культа и мирян и избранный для руководства делами общины.

⁵ Посещение представителем высшего духовенства (епископом, суперинтендантом, др.) находящихся в сфере его юрисдикции церковных общин (приходов) с целью ревизии и инспекции церковного имущества, полноты и правильности совершения религиозных обрядов, образовательного уровня и нравственного облика настоятеля общины (прихода).

Успех нравственно-реформирующих усилий светской и церковной властей был бы невозможен без участия институтов так называемого горизонтального дисциплинирования: общество раннего Нового времени было не только объектом воздействия со стороны государства и церкви, но и инициатором нравственного реформирования, оно сохраняло старые и вырабатывало новые механизмы социального контроля [13, с. 209; 16, с. 11]. Примером могут послужить сельские общины в Южном Пфальце — остров-

М.А. Корзо

О нравственном реформировании ранненово-временного общества

Антон Воензам

(1493–1541)

Аллегория мудрой замужней женщины, всегда поступающей по установленным правилам. Летучий листок, гравюра. Германия, 1525

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ке приверженцев католицизма в тесном лютеранском и кальвинистском окружении, которые зачастую весьма успешно навязывали местному духовенству определенный образ жизни, считая себя хранителями истинно христианских ценностей [18]. В качестве другого примера можно назвать общества по исправлению нравов в пуританской Англии, которые организуются на рубеже 1670–1680-х годов преимущественно представителями мелкого и среднего бюргерства с целью исправления и совершенствования нравов. Первоначально люди объединяются, чтобы ограничить деятельность борделей на территории своего городского квартала, для борьбы с пьянством, чтобы следить за соблюдением определенных религиозных практик. Поскольку от нравственного облика каждого зависели не только индивидуальные шансы на спасение, но и коллективное благополучие, для убеждения прибегали не только к личному примеру, но и различным формам принуждения [15; 46, с. 161]. На протяжении XVIII–XIX веков общества по исправлению нравов все реже используют в своей деятельности аргумент испорченности человеческой природы и все реже говорят об обязанности доброго христианина активно участвовать в обращении ближнего, апеллируя лишь к стремлению сохранить общественный порядок и стабильность [40, с. 1, 8, 291]. Схожие тенденции развития были присущи парижским приходским благотворительным обществам [6, с. 310–311] и многочисленным религиозным братствам у католиков.

В пресвитерианских приходах Северной Европы горизонтальное нравственное реформирование находило свое выражение в практике нареканий или цензуры нравов (*censura morum*), когда на каждого члена конгрегации возлагалась обязанность контролировать нравы всех других членов, в том числе и старейшин, и обличать нарушителей сначала наедине, затем в присутствии свидетелей и в крайнем случае — перед всей общиной [20, с. 18; 43, с. 297]. Подобная процедура братского пристыжения (*correctio fraterna*) была прописана в Евангелии (Мф 18: 15–18), обосновывалась заповедью любви к ближнему и стремлением к коллективному благополучию. Схожие аргументы можно найти и в обосновании практики денунциации в сельских общинах католической Баварии [31, с. 96].

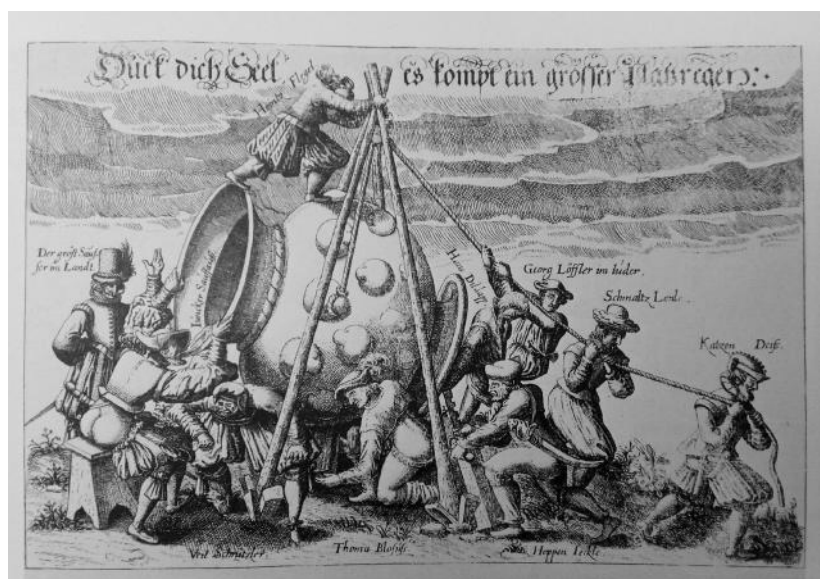
Некоторые формы внешнего контроля функционировали одновременно и как механизмы самодисциплинирования. Одним из примеров может быть принесение обета верности при заключении брака, что было новшеством в брачных практиках раннего Нового времени. В протестантских сообществах подобный обет пришел на смену нерасторжимой связи таинства брака у католиков, он приравнялся к иным формам присяги и его нарушение расценивалось как нарушение соответствующей заповеди Декалога. Взаимное обещание супругов хранить верность понималось

как проявление христианской добродетели верности и ответственности за других людей, в первую очередь — своих ближних, а уважение ценностей семейной жизни рассматривалось как составляющая уважения ценностей общественного порядка [14, с. 78; 44, с. 15, 25].

Нравственное реформирование ранненовременного общества осуществлялось не только ужесточением различных форм социального контроля, но также и иными — воспитательно-пропагандистскими методами. Главным проводником подобного воздействия становились учебные заведения: от приходской школы, прививавшей основные христианские добродетели, до университета, в стенах которого преподавались идеи неостоицизма. Представители всех христианских конфессий разделяли убеждение Эразма Роттердамского, что людьми не рождаются, а воспитываются (*homines non nascuntur sed finguntur*) и восходящее к эпохе гуманизма убеждение, что всему можно научить [50, с. 191–192]. Важным транслятором христианского нравственного кодекса становится школьный театр, расцвет которого обычно связывают с коллегиями иезуитов и который был выражением образовательного оптимизма Общества Иисуса.

Развитие книгопечатания позволило использовать в нравственно-воспитательных целях и различные формы визуального воздействия — например, листовки в форме обрамленной текстом гравюры небольшого формата. Данная печатная продукция была достаточно дешевой и многофункциональной: она использовалась для распространения определенных вероучительных истин; для высмеивания существующих нравов, народных обы-

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

Карикатура
на пьянство.
Летучий листок,
офорт. 1617

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семь женщин, сражающихся за обладание мужскими панталонами.

Сатирический летучий листок, гравюра. Германия, 2-я четверть XVII в.

чаев, политических оппонентов и представителей иных конфессий; для порицания пороков и для наставления в добродетелях. В последнем случае для изображения нравственно-негативного или нравственно-позитивного зачастую использовалась символика порядка и хаоса, и тематика листовок во многом отражала содержание современных им «полицейских ординаций» [27; 45, с. 216–217].

Насколько действенны были осуществлявшие функцию дисциплинирования институты и каков был социальный эффект нравственного реформирования общества раннего Нового времени? Многообразие задействованных в описанных процессах институтов не позволяет сделать какого-то обобщающего вывода. Так, исследование протестантского опыта реформирования семьи и сексуальной жизни свидетельствует о том, что на ранних стадиях эффект брачных судов (лютеране) и консисторий (кальвинисты) был минимальным и дает о себе знать лишь в XVIII веке [24, с. 213]. Не склонны высоко оценивать результаты кампании по реформированию общественных нравов и исследователи, изучающие эти процессы на уровне отдельных общин или в масштабах целого государства [26, с. 179; 53]. До Французской револю-

ции ни в одной из западноевропейских стран не удалось создать всеохватывающую систему нравственной регуляции, да и сам процесс, как считает Ойстрах, нельзя ограничивать только XVI–XVIII веками, и его эффект в различных областях как частной, так и публичной жизни был очень разным. Наиболее скромным оказался он в борьбе с бедностью и проистекающей из нее социальной нестабильностью [48, с. 267, 277]. Эффект нравственного реформирования зависел отчасти и от интенсивности противостояния дисциплинирующим тенденциям. Подобное противостояние проявляло себя с наибольшей силой там, где навязываемые извне нормы вступали в большее противоречие с реально практикуемыми и укорененными в народной культуре. А потому нравственное реформирование оказалось более эффективным в городе, нежели в сельской местности.

Тем не менее условно к концу XVIII века заметен переход от доминирования внешнего принуждения к само-дисциплинированию и само-контролю. Происходит процесс «освоения» навязываемых норм и стандартов поведения, которые в массовом сознании начинают восприниматься как нравственно-обязывающие, что отнюдь не означало, что и реальные человеческие отношения всегда выстраивались по этим нормам [3; 24; 44, с. 27]. Поэтому нравственное реформирование, нацеленное на изменение нравственного сознания и поведения людей, следует понимать скорее как интенцию и проект, который выходит далеко за хронологические рамки раннего Нового времени.

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Кильдюшов О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 9–40.
3. Корзо М.А. Контроль за соблюдением норм сексуальной морали в польской деревне XVII–XVIII вв. // Соціум. 2003. № 2. С. 165–184.
4. Корзо М.А. О формах и содержании нравственных предписаний в католической назидательной литературе раннего Нового времени // Человек. 2018. № 6. С. 114–129.
5. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО Ками Групп, 1995.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумов, ред. И. Борисова. М.: Ad Marginem, 1999.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М.: СПб.: Университетская книга, 2001.
8. Abel G. Stoizismus und Frühe Neuzeit: zur Entstehungsgeschichte modernen Denkens im Felde von Ethik und Politik. Berlin: de Gruyter, 1978.
9. Barbee D.M. Holy Desperation and Sanctified Wrath: Anger in Puritan Thought // Discourses of Anger in the Early Modern Period / Eds. K.A.E. Enenkel, A. Traninger. Leiden: Brill, 2015. P. 172–192.

- 88

Control in Europe 1500–1900 / Eds. O. Matikainen, S. Lidman. Helsinki: Finnish Literature Society, 2014. P. 87–106.

32. Maier H. Sozialdisziplinierung — ein Begriff und seine Grenzen // Glaube und Eid / Hrsg. von P. Prodi. München: R. Oldenbourg Verlag, 1993. S. 237–240.

33. Monter E.W. Enforcing Morality in Early Modern Europe. London: Variorum, 1987.

34. Münster P.M. Wiederentdeckung von Scham und Beschämung in der strafrechtlichen Sozialkontrolle: Das Konzept des “reintegrative shaming” // Shame Between Punishment and Penance / Eds. B. Sère, J. Wettlaufer. Firenze: Sismel, 2013. P. 349–368.

35. Oestreich G. Neosticism and the Early Modern State. Cambridge: Cambridge UP, 1982.

36. Oestreich G. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1969. Bd. 55. S. 329–347.

37. Ogilvie S. “So That Every Subject Knows How to Behave”: Social Disciplining in Early Modern Bohemia // Comparative Studies in Society and History. 2006. Vol. 48. N 1. P. 38–78.

38. Pullan B. The Counter-Reformation, Medical Care and Poor Relief // Health Care and Poor Relief in Counter-Reformation Europe / Eds. O.P. Grell, A. Cunningham, J. Arrizabalaga. London: Routledge, 1999. P. 17–31.

39. Räsänen-Schröder P. Improving the Christian Community. Agents and Objects of Control in Early Modern Church Visitations // Morality, Crime and Social Control in Europe 1500–1900 / Eds. O. Matikainen, S. Lidman. Helsinki: Finnish Literature Society, 2014. P. 127–155.

40. Roberts M.J.D. Making English Morals. Voluntary Association and Moral Reform, 1787–1886. Cambridge: Cambridge UP, 2004.

41. Rublack H.-Ch. Lutherische Beichte und Sozialdisziplinierung // Archiv für Reformationsgeschichte. 1994. Bd. 84. S. 127–155.

42. Schilling H. Die Kirchenzucht im frühneuzeitlichen Europa in interkonfessionell vergleichender und interdisziplinärer Perspektive — eine Zwischenbilanz // Zeitschrift für historische Forschung. 1994. Beiheft 16. S. 11–40.

43. Schilling H. “History of Crime” or “History of Sin”? — Some Reflections on the Social History of Early Modern Church Discipline // Politics and Society in Reformation Europe / Eds. E.I. Kouri, T. Scott. London: Macmillan, 1987. P. 289–310.

44. Schilling H. Reform and Supervision of Family Life in Germany and the Netherlands // Sins and the Calvinists. Moral Control and the Consistory in the Reformed Tradition / Ed. R.A. Mentzer. Kirksville: Sixteenth Journal Publ., 1994. P. 15–62.

45. Schilling M. Bildpublizistik der frühen Neuzeit. Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990.

46. Schmidt H.R. Die Christianisierung des Sozialverhaltens als permanente Reformation // Zeitschrift für historische Forschung. 1989. Beiheft 9. S. 113–163.

47. Schnabel-Schüle H. Kirchenzucht als Verbrechensprävention // Zeitschrift für historische Forschung. 1994. Beiheft 16. S. 49–64.

48. Schulze W. Gerhard Oestreichs Begriff “Sozialdisziplinierung in der Frühen Neuzeit” // Zeitschrift für historische Forschung. 1987. Bd. 14. S. 265–302.

49. Simon T. “Policing” and Morality: On the State Regulation of Faith and Morality in the Policy Decrees of the Early Modern Period // Between Creativity and Norm-Making. Tensions in the Later Middle Ages and the Early Modern Era / Eds. S. Müller, C. Schweiger. Leiden: Brill, 2013. P. 241–252.

50. Smolinsky H. The Better Human Being: The Dispute on Morality in Humanism and the Reformation // Between Creativity and Norm-Making. Tensions in the Later Middle Ages and the Early Modern Era / Eds. S. Müller, C. Schweiger. Leiden: Brill, 2013. P. 189–202.

М.А. Корзо

О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

Key words: Early modern times, reformation of morals, social control, discipline.

For citation: Korzo M.A. On the Moral Reform Movement in the Early Modern Society: Ideological Grounds and Institutions // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 4. P. 72–93. DOI: 10.31857/S023620070005911-9

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества

References

1. Weber M. *Protestantskaya ehtika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], transl. from German by M.I. Levina. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Collected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990.
2. Kildushov O. *Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poriadka iz filosofii i politseiskoi praktiki* [Police as Science and Politics: On the Birth of Contemporary Order from Philosophy and Political Practice]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2013. Vol. 12. N 3. P. 9–40.
3. Korzo M.A. *Kontrol' za soblyudeniem norm seksual'noi morali v pol'skoi derevne XVII–XVIII vv.* [Control Over Observance of Sexual Morality Norms in Polish Rural Communities, the 17th–18th C.]. *Socium*. 2003. N 2. P. 165–184.
4. Korzo M.A. *O formakh i soderzhanii npravstvennykh predpisanii v katolicheskoi nazidatel'noi literature rannego Novogo vremeni* [On Forms and Content of Moral Precepts in the Catholic Devotional Literature of the Early Modern Time]. *Chelovek*. 2018. N 6. P. 114–129.
5. Stoliarov A.A. *Stoya i stoitsizm* [Stoa and Stoicism]. Moscow: Kami Grupp Publ., 1995.
6. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], transl. from French by B. Naumov, ed. I. Borisova. Moscow: Ad Marginem, 1999.
7. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations], vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001.
8. Abel G. *Stoizismus und Frühe Neuzeit: zur Entstehungsgeschichte modernen Denkens im Felde von Ethik und Politik*. Berlin: de Gruyter, 1978.
9. Barbee D.M. *Holy Desperation and Sanctified Wrath: Anger in Puritan Thought. Discourses of Anger in the Early Modern Period*, eds. K.A.E. Enenkel, A. Traninger. Leiden: Brill, 2015. P. 172–192.
10. Bogner R.G. *Die Bezähmung der Zunge. Literatur und Disziplinierung der Alltagskommunikation in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997.
11. Bohatec J. *Calvins Lehre von Staat und Kirche, mit besonderer Berücksichtigung des Organismusgedankens*. Aalen: Scientia Verlag, 1968.
12. Buchholz W. *Anfänge der Sozialdisziplinierung im Mittelalter. Zeitschrift für historische Forschung*. 1991. Bd. 18. N 2. S. 129–147.
13. Chaix C. *Die schwierige Schule der Sitten — christliche Gemeinden, bürgerliche Obrigkeit und Sozialdisziplinierung im frühneuzeitlichen Köln, etwa 1450–1600. Zeitschrift für historische Forschung*. 1994. Beiheft 16. S. 199–218.
14. Chareyre P. “The Great Difficulties One Must Bear to Follow Jesus Christ”: Morality in Sixteenth-Century Nîmes. *Sins and the Calvinists. Moral Control and the Consistory in the Reformed Tradition*, ed. R.A. Mentzer. Kirksville: Sixteenth Journal Publishers, 1994. P. 63–96.
15. Curtis T.C., Speck W.A. *The Societies for the Reformation of Manners: a Case Study in the Theory and Practice of Moral Reform. Literature and History*. 1976. Vol. III. P. 45–64.
16. Dinges M. *Frühneuzeitliche Armenfürsorge als Sozialdisziplinierung? Geschichte und Gesellschaft*. 1991. Bd. 17. S. 5–29.

- 92

38. Pullan B. The Counter-Reformation, Medical Care and Poor Relief. *Health Care and Poor Relief in Counter-Reformation Europe*, eds. O.P. Grell, A. Cunningham, J. Arrizabalaga. London: Routledge, 1999. P. 17–31.
39. Räisänen-Schröder P. Improving the Christian Community. Agents and Objects of Control in Early Modern Church Visitations. *Morality, Crime and Social Control in Europe 1500–1900*, eds. O. Matikainen, S. Lidman. Helsinki: Finnish Literature Society, 2014. P. 127–155.
40. Roberts M.J.D. *Making English Morals. Voluntary Association and Moral Reform, 1787–1886*. Cambridge: Cambridge UP, 2004.
41. Rublack H.-Ch. Lutherische Beichte und Sozialdisziplinierung. *Archiv für Reformationsgeschichte*. 1994. Bd. 84. S. 127–155.
42. Schilling H. Die Kirchenzucht im frühneuzeitlichen Europa in interkonfessionell vergleichender und interdisziplinärer Perspektive — eine Zwischenbilanz. *Zeitschrift für historische Forschung*. 1994. Beiheft 16. S. 11–40.
43. Schilling H. “History of Crime” or “History of Sin”? — Some Reflections on the Social History of Early Modern Church Discipline. *Politics and Society in Reformation Europe*, eds. E.I. Kouri, T. Scott. London: Macmillan, 1987. P. 289–310.
44. Schilling H. Reform and Supervision of Family Life in Germany and the Netherlands. *Sins and the Calvinists. Moral Control and the Consistory in the Reformed Tradition*, ed. R.A. Mentzer. Kirksville: Sixteenth Journal Publishers, 1994. P. 15–62.
45. Schilling M. *Bildpublizistik der frühen Neuzeit. Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990.
46. Schmidt H.R. Die Christianisierung des Sozialverhaltens als permanente Reformation. *Zeitschrift für historische Forschung*. 1989. Beiheft 9. S. 113–163.
47. Schnabel-Schüle H. Kirchenzucht als Verbrechensprävention. *Zeitschrift für historische Forschung*. 1994. Beiheft 16. S. 49–64.
48. Schulze W. Gerhard Oestreichs Begriff “Sozialdisziplinierung in der Frühen Neuzeit”. *Zeitschrift für historische Forschung*. 1987. Bd. 14. S. 265–302.
49. Simon T. “Policing” and Morality: On the State Regulation of Faith and Morality in the Policy Decrees of the Early Modern Period. *Between Creativity and Norm-Making. Tensions in the Later Middle Ages and the Early Modern Era*, eds. S. Müller, C. Schweiger. Leiden: Brill, 2013. P. 241–252.
50. Smolinsky H. The Better Human Being: The Dispute on Morality in Humanism and the Reformation. *Between Creativity and Norm-Making. Tensions in the Later Middle Ages and the Early Modern Era*, eds. S. Müller, C. Schweiger. Leiden: Brill, 2013. P. 189–202.
51. Spierenburg P. Social Control and History. *Social Control in Europe*, eds. H. Roodenburg, P. Spierenburg. Vol. 1. 1500–1800. Columbus: Ohio State UP, 2004. P. 1–22.
52. Spufford M. Puritanism and Social Control? *Order and Disorder in Early Modern England*, eds. A. Fletcher, J. Stevenson. Cambridge: Cambridge UP, 2007. P. 41–57.
53. Strauss G. *Luther’s House of Learning. Indoctrination of the Young in the German Reformation*. Baltimore: The John Hopkins UP, 1978.
54. Willoweit D. Katholische Reform und Disziplinierung als Element der Staats- und Gesellschaftsorganisation. *Glaube und Eid*, hrsg. von P. Prodi. München: R. Oldenbourg Verlag, 1993. S. 113–132.
55. Ziegler E. *Sitte und Moral in früheren Zeiten. Zur Rechtsgeschichte der Reichsstadt und Republik St. Gallen*. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1991.

М.А. Корзо
О нравственном
реформировании
ранненово-
временного
общества